

ИГОРЬ СИМБИРЦЕВ

ВЧК В ЛЕНИНСКОЙ РОССИИ **1917–1922**

В ЗАРЕВЕ РЕВОЛЮЦИИ

Игорь Симбирцев

**ВЧК в ленинской России. 1917–
1922: В зареве революции**

«Центрполиграф»

2008

Симбирцев И.

ВЧК в ленинской России. 1917–1922: В зареве революции /
И. Симбирцев — «Центрполиграф», 2008

На страницах книги оживает бурное время первых лет Советской России, когда формировались новые политические институты, и прежде всего спецслужбы молодого государства. Автор подробно анализирует действия ЧК у себя дома, на фронте, в чужом тылу и за границей, особое внимание уделяя личности главы ВЧК Ф.Э.Дзержинского и его влиянию на формирование структуры и методов работы карательного органа диктатуры пролетариата в момент старта первой волны «красного террора».

© Симбирцев И., 2008

© Центрполиграф, 2008

Содержание

Глава 1	5
Структура ВЧК	11
Первая военная разведка Советской России	14
Глава 2	17
Красный террор до начала «красного террора»	18
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Игорь Симбирцев

ВЧК в ленинской России

1917–1922

В заре революции

Глава 1

Рожденные в октябре

Век мой, зверь мой, кто сумеет заглянуть в твои зрачки.
О. Мандельштам

«Рожденные Октябрем» – так с привычным пафосом принято было в советское время именовать многие службы государственного аппарата в СССР, зачастую еще конкретизируя: «Рожденные революцией». К службам разведки и государственной безопасности Советского Союза это определение тоже часто прилагалось. Если отбросить пафосный налет торжественности, то в целом это совершенно верно. Они были рождены Октябрем, который в советское время писался с большой буквы, и календарно действительно стали порождением бурной осени 1917 года.

Формально ЧК – прародитель всех последующих модификаций служб советской госбезопасности, вплоть до КГБ, рождена была двумя месяцами позднее, в декабре 1917 года. А органы военной разведки Советской России, трансформированные позднее в ГРУ при Генштабе СССР, появились на свет еще позже. Но в целом появление советских спецслужб было запланировано именно в момент октябрьского переворота большевиков 1917 года, впоследствии именуемого Великой Октябрьской социалистической революцией. Можно сказать, что уже в момент октябрьского захвата власти партией Ленина новая система советских спецслужб была зачата, а два месяца спустя появилась на свет.

Как только отгремели залпы крейсера «Аврора» и пальба при скоротечном штурме красногвардейцами Зимнего дворца, возвестив о падении недолгого режима Временного правительства, получившая власть партия большевиков немедленно задумалась о создании собственного аппарата государственной безопасности. Старая машина жандармского тайного сыска была разгромлена одновременно со свержением Романовых еще в феврале 1917 года, ее руководящие кадры уже репрессировали либо они бежали в эмиграцию. Временное правительство за неполный год своей политической жизни действенных спецслужб создать при себе не успело.

Советская власть начинала отстраивать свою систему спецслужб с чистого листа и по совершенно новым принципам, соответственно уникальности и самого эксперимента Ленина с его соратниками по построению социалистического государства в России. Поэтому в истории спецслужб Российского государства 1917 год стал резкой чертой, отсекающей совершенно новую эпоху. Прошлые века с их историей романовского тайного сыска, с петровской и постпетровской Тайной канцелярией, с николаевским Третьим отделением, с охранкой последнего из Романовых – Николая II, отсечены этим Рубиконом истории России, оставшись единым большим временным блоком летописи российских спецслужб, своего рода «царским блоком». 1917 год открыл вторую большую эпоху советских служб, завершившуюся в 1991 году с крушением самого Советского Союза. Сейчас же мы являемся свидетелями начала третьей эпохи

спецслужб постсоветской России, имеющей еще слишком короткую хронологию для обобщений, выводов и детального исторического описания.

В богатом на революции XX веке иногда срабатывала схема создания новых спецслужб революционного режима снизу, когда рядовые служители революции сами организовывались в определенную структуру, а уж затем этот орган обрастал мускулами и был легализован решением новой власти в ее государственную спецслужбу. Так в ходе исламской революции 1979 года в Иране сами свергнувшие режим шаха революционеры инициативой снизу создали свой Комитет защиты имама. Имелась в виду защита лично аятоллы Хомейни и его власти. Позднее этот комитет был преобразован в хомейнистском Иране в Комитет исламской революции и силовой Корпус стражей исламской революции, более известный в мире спецслужб по персидской аббревиатуре Пасдаран. В большевистской России такие же инициативные рядовые революции в первые месяцы после захвата власти в октябре 1917 года тоже создали Комитет охраны революции, но правительство Ленина не потерпело такой пахивающей анархизмом инициативы, не одобренной предварительно большевистским ЦК. Комитет охраны революции и несколько подобных ему низовых формирований романтично настроенных рабочих или братишек-матросов были упразднены в целях исключения конкуренции будущей единой спецслужбе – ВЧК, созданной в большевистских традициях централизованно и под контролем руководства партии и ленинского Совнаркома. Так что иранский вариант у нас не прошел, советский режим с первых дней своего существования стал все курировать и контролировать с самого властного верха.

Партия большевиков, взяв в свои руки власть в России в октябре 1917 года, не создала немедленно своего аппарата политической полиции вовсе не по наивному непониманию ситуации или в надежде обойтись без такой структуры – просто эти два месяца новые власти искали приемлемую форму новой системы своей государственной безопасности. Поначалу для этой цели попытались приспособить большевистский Военно-революционный комитет (ВРК) при Петроградском Совете. Этот орган партийной еще безопасности был сформирован большевиками при власти Временного правительства, его члены участвовали в большевистском перевороте в октябре 1917 года. Во главе этого партийного органа безопасности и координации действий Красной гвардии стоял старый соратник Ленина Николай Подвойский.

В принципе в мировой истории это не единичный случай, когда захватившая власть каким-либо способом уже организованная политическая партия, особенно если она единолично оседлала власть в государстве, первую службу тайной полиции создает из уже готовой службы своей партийной охраны, существовавшей еще в годы нахождения в оппозиции или в подполье. Так и новые просоветские режимы в странах Восточной Европы в 1945–1947 годах политические полиции создавали на основе бывших партийных структур безопасности своего подполья или партизанских армий. И в Германии национал-социалисты Гитлера службу СС создали задолго до прихода к власти в 1933 году. И служба госбезопасности китайской компартии создана Мао Цзэдуном еще в его партизанском войске под маской его «Особого отдела».

Но в Советской России такой эксперимент в чистом виде не получился. Два месяца спустя Ленин понял, что из ВРК действенной политической полиции сделать не удастся. Так ВРК стал единственным до создания ЧК черновым проектом советских спецслужб, не реализованным в полноценную политическую полицию. Если в истории романовской Российской империи до создания Петром I первой постоянной спецслужбы – Тайной канцелярии несколько черновых проектов такой службы, от опричнины до Преображенского приказа, заняли века, то советскому черновому эрзацу спецслужбы судьба отвела всего полтора месяца жизни. Большевики очень спешили приступить к построению новой жизни в первом государстве рабочих и крестьян. 1 декабря 1917 года постановление ВЦИК фактически упразднило ВРК, предложив одновременно Феликсу Эдмундовичу Дзержинскому создать отдельную службу госбезопасности Советской России.

Через несколько дней видный большевик Дзержинский докладывал в Смольном в кабинете правой руки Ленина Свердлова свои соображения по поводу создания новой службы, и здесь впервые прозвучало слово «комиссия». Отмежевывавшиеся от символов царской эпохи большевики не хотели никаких «тайных полиций», «особых канцелярий» или «охранных отделений», предпочтя термин «комиссия», заимствованный из лексикона деятелей Французской революции. В новой комиссии Дзержинский предлагал сосредоточить все дела по пресечению контрреволюционных замыслов, розыск политических противников советской власти, а также экономического саботажа и спекуляции, возникших в тяжелых условиях. Видимо, к этому времени Феликс Эдмундович понемногу определился и с кадровым составом новой спецслужбы, хотя бы в отношении ближайших помощников. В первые дни декабря этого года на нескольких заседаниях в Смольном с ним побывали будущие первые лица его окружения в ЧК: Менжинский, Петерс, Аверин, Евсеев, Ксенофонтов, Трифонов.

В результате появилось постановление Совета народных комиссаров о создании Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК). Это постановление Совнаркома о создании первой спецслужбы советской власти датировано 7 декабря 1917 года или по вскоре принятому новому стилю 20 декабря. И именно этот день на все годы советской власти стал Днем чекиста, как и спустя десятилетия после многочисленных переименований бывшей ЧК долго еще называли в СССР сотрудников органов госбезопасности. Характерно, что о дне «военного разведчика России» 5 ноября вообще мало кто знает, закрытое ГРУ не афиширует даже свой персональный праздник.

И после развала Советского Союза в современной России сотрудники спецслужб продолжают согласно какой-то логике именно этот декабрьский день считать своим профессиональным праздником. Словно утверждая первородство ВЧК Дзержинского в истории работы своих органов и не признавая старого наследия служб государственной безопасности и разведки Российской империи, чья история и до 1917 года насчитывала уже два века. В действительности история спецслужб России намного длиннее, чем «чекистская история», и даже от дня указа Петра I о создании Тайной канцелярии в 1718 году до разгрома николаевских охранки и Департамента полиции в 1917 году прошло в два раза больше времени, чем от основания ЧК до наших времен. Дело тут в сложившейся ли традиции, в кадровой ли преемственности спецслужб постсоветской России от советского КГБ или в том, что историки так и не установили точной даты петровского указа о создании Тайной канцелярии, а значит, нет и даты для изначального «дня бойца невидимого фронта», однозначно сказать нельзя, но в любом случае этот исторический парадокс с Днем чекиста продолжается. Название «жандарм» большинство современных сотрудников спецслужб сочтет обидным, посчитает оскорбительным, а «чекист» представляется всем лестным или просто нейтральным обозначением профессии, хотя объективный взгляд в историю по логике должен бы давать обратную реакцию.

Собственно, чекистами сотрудников спецслужб Советской России можно было на полном основании именовать только первые годы существования этой структуры. Через несколько лет ЧК переименуют в ГПУ, но режущий русский слух термин «гэпэушник» не приживется, так деятели госбезопасности и останутся надолго «чекистами». Кроме того, что за этим термином слышится романтика времен Железного Феликса с наведенным за годы советской власти глянцем, так и само слово ЧК (а ВЧК почти все время так и именовали, пропуская указания на всероссийский характер этой службы в аббревиатуре) несет в своем емком звучании отзвук романтики – оно звучит почти как лязг передернутого затвора или стук револьверного бойка.

В Америке историки считают, что название тайной организации ультраправых и белых расистов ку-клукс-клан не имеет фонетической расшифровки, а лишь имитирует звук движения винтовочного затвора. Создателей ленинской ЧК эти исследователи могли заподозрить в таком же принципе выбора названия для своей службы, созвучного то ли щелчку курка, то ли названию чеки от гранаты. Хотя, вероятно, Дзержинский и его товарищи зимой 1917 года о

таких тонкостях, так же как об увековечении на долгие годы слова «чекист», не задумывались, слишком много у них было более практических и неотложных проблем. Скорее всего, в новом названии большевиков привлекала его непохожесть на старорежимные отделения, канцелярии и департаменты из истории тайного сыска Российской империи. Есть сведения, что при определении названия спецслужбы советской власти в декабре 1917 года кто-то из большевистской верхушки предлагал назвать людей Дзержинского «революционными центурионами», но броское название было отвергнуто большинством за древнеримскую старорежимность, и тут в дискуссии прозвучало революционно-зловещее – «чека». Позднее белогвардейцы и белоэмигранты, не склонные к большевистской привычке все сокращать в аббревиатуры, так и писали это слово как имя собственное – «Чека», да еще и склоняли его по русским правилам: «Забрали в Чеку, бежал из Чеки» и так далее.

В отличие от той же системы политического сыска последних лет романовской империи, где самые главные спецслужбы – охранка и Департамент полиции – входили в систему имперского МВД, ленинцы сразу же свою первую спецслужбу от системы внутренних дел четко отсекли. Наркомат внутренних дел Советской России на правах отдельного министерства был также создан в конце 1917 года, его возглавил опытный деятель большевистской партии Петровский, но Дзержинский с первых дней работы ЧК демонстрировал полную независимость от первого советского МВД, делая это зачастую демонстративно. При этом чекисты с первых дней существования своего ведомства негласно считали ЧК службой, стоящей в государственном аппарате выше Наркомата внутренних дел и занимающейся гораздо более важной для страны задачей. Это закладывало на долгие годы мину замедленного действия в связи с не всегда здоровой конкуренцией органов госбезопасности и внутренних дел, такая тенденция затем существовала практически до конца советской власти.

Еще одним знаковым символом с первых дней работы всероссийской ЧК стал также принципиально отстаиваемый Дзержинским принцип отчуждения чекистской службы от органов советской юстиции и прокуратуры. Изначально, в конце 1917 года, этого требовали и политически-партийные соображения. Тогда большевики еще временно делили власть с партией левых эсеров, а именно в первом советском Наркомате юстиции наблюдалось в те месяцы засилье эсеровских кадров, и наркомом юстиции был тогда член партии левых эсеров Штейнберг. Руководство Наркомата юстиции тщетно добивалось у Ленина права официального надзора за деятельностью первой большевистской спецслужбы, просило даже предоставить им право санкционировать аресты чекистов, как это принято сейчас в большинстве стран Европы. Уже в канун нового, 1918 года у Дзержинского со Штейнбергом случился по этому поводу первый острый конфликт, когда нарком юстиции потребовал освободить арестованных ЧК членов Союза защиты Учредительного собрания, а глава чекистов в резкой форме ему отказал. Помимо того, чекисты не допускали представителей ведомства юстиции с проверками в места содержания арестованных их службой граждан. Тогда конфликт стал предметом отдельного разбирательства в советском правительстве – Совнарком – и потребовал опять личного вмешательства Владимира Ильича Ленина. Ленин, естественно, занял сторону Дзержинского, а не откровенно полагаемых им лишь как «временных попутчиков» левых эсеров из Наркомата юстиции. И очень скоро отрыв ЧК от органов юстиции был оформлен законодательно: в декабре 1917 года постановление Совнаркома подтвердило, что ЧК будет органом внесудебной расправы с контрреволюцией, а «любые изменения постановлений комиссии Дзержинского допустимы только путем обжалования их в Совнарком, а никоим образом не распоряжением наркома юстиции». Этот документ ленинского Совнаркома на долгие десятилетия задал курс на действия советских спецслужб параллельно органам юстиции и прокуратуры или даже временами наперекор им.

Все эти прения закончились в июле 1918 года с изгнанием левых эсеров из правительства, а соответственно и из всех советских органов власти и управления. Но установленная

тогда руководством ЧК дистанция от ведомства юстиции сохранилась, и эта продолжавшаяся затем долгие годы тенденция стала в истории этой спецслужбы еще одной миной замедленного действия.

Все эти месяцы недолгого романа партии Ленина с левыми эсерами большевики-чекисты были вынуждены уживаться внутри своей молодой спецслужбы с коллегами-эсерами. По договоренности между этими партиями в ЧК была установлена особая квота для членов партии левых эсеров, многие из которых имели дореволюционный опыт террористической работы. Как, впрочем, имели его и некоторые чекисты из правых ленинцев и членов его РКП(б) – в истории тайного сыска в России впервые в тайной полиции появлялось такое количество вчерашних подпольщиков, террористов и каторжан, но с 1917 года в России многое происходило впервые и никого не удивляло. Первым заместителем Дзержинского в ЧК согласно тем же договоренностям с эсерами в Совнаркоме был в январе 1918 года назначен член ПСР(л) Александрович. В главной коллегии ВЧК, а таковая была создана при председателе этой структуры Дзержинском в ознаменование культового тезиса большевиков о коллегиальном управлении, Александрович был единственным эсером. Остальные члены коллегии – сам Дзержинский, Менжинский, Петерс, Ксенофонтов, Шукин, Фомин, Яковлев, Жиделев – все являлись большевиками. Кроме Александровича поначалу (с конца 1917 года) заместителями Дзержинского в первом составе коллегии ВЧК были Яковлев и Жиделев, хотя эти фамилии в нашей истории сейчас мало кто помнит, но в начале 1918 года их сменили Петерс и Ксенофонтов. Чуть позднее кроме Александровича от ПСР(л) в коллегию ВЧК введут Закса, и тоже на должность заместителя Дзержинского, но после эсеровского мятежа летом 1918 года даже перешедшего в партию большевиков Закса из зампредов уберут, хотя в рядах ЧК оставят.

Постоянные стычки на партийной почве между чекистами с большевистскими и эсеровскими партбилетами постепенно нарастали, и летом 1918 года этот нарыв прорвался кровью первых чекистов, павших от рук своих же товарищей по службе. Мятеж своей партии против тихой узурпации власти партией Ленина, поводом к которому стало заключение ленинским правительством Брестского мира с Германией, эсеры в чекистском ведомстве поддерживали практически единогласно. Сам мятеж 6 июля 1918 года начался с типично эсеровской акции – теракта с убийством германского посла Мирбаха прямо в здании немецкого посольства, совершенного непосредственно эсерами из ЧК Блюмкиным и Андреевым с ведома заместителя председателя ВЧК Александровича.

Затем эсеры-чекисты приняли участие в уличных боях с Красной гвардией, во временном захвате главного здания ЧК на Лубянке и в недолгом захвате в заложники самого Дзержинского вместе с еще несколькими руководителями ЧК. После подавления эсеровского выступления почти все они были вычищены из чекистских рядов и арестованы. В том же июле Александрович и еще 12 участников выступления из числа чекистов-эсеров расстреляны вчерашними коллегами. Это была первая расправа органов ЧК над большой группой самих чекистов из длинной череды подобных и гораздо более масштабных акций в будущем. Пока еще чекисты из большевиков казнили чекистов из эсеров, но и с воцарением внутри всероссийской ЧК однопартийности вскоре принадлежность жертв даже к старой ленинской гвардии большевиков не будет смущать инициаторов таких кампаний по чистке рядов. В июле же 1918 года закончился недолгий, уникальный и почти забытый эксперимент по принадлежности сотрудников советских органов госбезопасности к различным партиям. Затем вплоть до краха Советского Союза такое в стенах советских спецслужб уже невозможно будет представить.

В декабре 1917 года стартовала история советских спецслужб, занявшая более семи десятилетий. Первый штаб российской ЧК разместился в Петрограде на Гороховой улице, в бывшей конторе петербургского градоначальника, но в марте 1918 года вместе с правительством служба Дзержинского перебравась в Москву. Здесь чекисты расположились на Лубянской площади, переименованной затем советской властью на долгие годы в площадь Дзержинского и

украшаемую до судьбоносного августа 1991 года монументом Железному Феликсу в ее центре. На Гороховой осталась петроградская ЧК, хотя сама Гороховая в начале 20-х годов была большевиками вслед за большинством питерских улиц переименована в Комиссаровскую.

«Лубянка» надолго станет нарицательным словом среди населения Советского Союза, ассоциируясь исключительно с деятельностью органов ЧК – ГПУ – НКВД – КГБ. Хотя на самом деле это место можно признать исторически культовым для органов российского тайного сыска, ведь рядом с Лубянкой еще во времена Петра I находилась московская головная контора Преображенского приказа и недалеко стоял особняк главного «преображенца» князя Ромодановского. А при Екатерине Великой в этих же местах располагалось московское представительство Тайной канцелярии, здесь же в подвалах находился следственный изолятор канцелярии, это мрачное здание было снесено только в конце XIX века. Марк Алданов в свое время писал об этих совпадениях как о мистическом знаке и особой исторической отметке на этом месте, напоминая, что здесь же в середине XVIII века находился мрачный особняк помещицы Салтычихи. Так что в целом тайный сыск со времен петровских преобразенцев это обжитое место так и не покидал: здесь же на Лубянке при Екатерине II находилась книгопечатная контора вольнодумца Новикова, разрушенная по решению Тайной канцелярии после его ареста, позднее жандармы Третьего отделения по многочисленным лубянским ночлежкам делали облавы на «нигилистов». Только на самом пороге XX века политический сыск временно покидал эти священные для него места, уступая напору больших денег, когда в последние годы жизни Российской империи в построенном здесь предпринимателем Мосоловым комплексе зданий расположилось страховое общество. Но уже весной 1918 года молодая спецслужба Держинского переехала из Петрограда в Москву и сразу заняла привычные для сыска лубянские просторы, поселившись в здании бывшей страховой конторы на этой площади, которую тогда еще на месте будущего памятника самому Феликсу Эдмундовичу по центру украшал прекрасный лубянский фонтан.

И сегодня органы госбезопасности Российской Федерации находятся в этом многовековом святилище тайного сыска России, занимая все тот же заметно разросшийся с годами комплекс зданий бывшего государственного страхового общества на Лубянской площади. Правда, с уже возвращенным ей историческим названием и с мрачно высившимся какое-то время посредине пустым постаментом из-под чугунного родоначальника ВЧК. С 20-х годов в советское общество вошла поговорка о том, что на Лубянке вместо Госстраха поселился «Госужас», под которой затем готовы были подписаться представители многих поколений советских и российских граждан.

Структура ВЧК

Сам Дзержинский разработал основные положения деятельности нового органа политической безопасности сначала Советской России, а затем и СССР, он же был главным разработчиком и внутренней структуры ВЧК. Уже в начале 1918 года внутри ЧК появились отделы борьбы с контрреволюцией, борьбы со шпионажем (политическая контрразведка), политического следствия, борьбы с бандитизмом, борьбы с саботажем и со спекуляцией, охраны границ Советской России.

На ведущие позиции уже тогда выдвинулся Особый отдел, занимавшийся напрямую подавлением политической оппозиции советской власти и организацией «красного террора», как и работой ЧК на фронте, его первым руководителем стал опытный большевик Михаил Кедров с большим стажем подпольной работы. Кроме Кедрова этот особый отдел одно время возглавлял другой член коллегии ВЧК Янушевский, а в конце Гражданской войны здесь утвердился уже Менжинский. Этот отдел временами конкурировал с занимавшимся схожими проблемами отделом по борьбе с контрреволюцией, возглавляемым с 1918 года одним из самых известных чекистов дзержинского призыва, латышским большевиком Мартином Лацисом. Внутри этого отдела создано небольшое отделение по борьбе с иностранными шпионами в Советской России под началом двадцатилетнего чекиста Блюмкина из левых эсеров, который вскоре преподнесет ВЧК свой сюрприз в виде убийства германского посла Мирбаха. А для оперативной работы создается Секретно-оперативный отдел под руководством Николая Скрыпника. За работу на местах губернских и уездных органов ЧК в центральном штабе ВЧК отвечал Иногородный отдел во главе с чекистом Григорием Морозом, перешедшим к большевикам из террористов еврейского союза Бунд.

Позднее в ВЧК создан Следственный отдел (затем Следственная часть ВЧК) под началом известного чекиста Манцева, а затем пришедших ему на смену Пинеса, Ихновского, Мороза, Валескална. Поначалу, с конца 1917 года, следственные действия кроме ЧК могли у новой власти большевиков вести и другие временные органы: Следственная комиссия при Советах во главе с Красиковым, следственный отдел Наркомата внутренних дел или Комитет по борьбе с погромами при ВЦИК под началом Бонч-Бруевича. Но с созданием отдельной структуры ВЧК по политическим делам вся эта работа передается на Лубянку, устраняя дублирующие и размытые комиссии. Кроме этого существовал важный Административный отдел, ведавший в том числе и всем кадровым вопросом в ВЧК, его поначалу возглавлял Брагинский из «прикомандированных» левых эсеров, а позднее Апетер. Управделами ВЧК стал вскоре взлетевший Генрих Ягода.

Созданный уже в 1918 году Тюремный отдел отвечал в ВЧК за все места содержания арестованных, его поначалу возглавил Евсеев, позднее того сменил пришедший в ЧК из боевиков польской ППС Бялогородский, одновременно назначенный комендантом переданной в ведение ВЧК Бутырской тюрьмы. С тех пор в ЧК – ГПУ – НКВД установилась традиция, по которой начальник Тюремного отдела этой спецслужбы был одновременно и комендантом ее главной следственной тюрьмы – Бутырки, Лефортова или внутренней тюрьмы на самой Лубянке.

В 1919 году в структуре ВЧК появляется Специальный отдел по техническим делам и надзору внутри самой партии большевиков, который возглавляет вырвавшийся из сданного врагам Баку первый начальник ЧК Бакинской коммуны Саак Тер-Габриелян. Позднее во главе заметно расширившего свои полномочия внутри ВЧК Спецотдела его сменил Глеб Бокий, переведенный из начальников Петроградской ЧК. Ведавший вопросами учета и регистрации дел Регистрационный отдел на Лубянке возглавил Роцен.

Чуть позднее, в 1920 году, в этой структуре появился еще один важнейший Иностран- ный отдел (ИНО ВЧК) – внешнеполитическая разведка под началом Якова Давтяна. Так была

сформирована структура чекистского ведомства, которая затем с некоторыми изменениями просуществовала все время работы первой советской спецслужбы ВЧК до 1922 года. Эта же структура в общих чертах переходила по наследству к сменявшим ВЧК новым службам госбезопасности и разведки Советского государства. Тогда же в 1920 году одним из последних вместе с внешней разведкой на Лубянке создается Юридический отдел под началом Луцкого – до того в угаре бессудного и непроцессуального «красного террора» службе Дзержинского было не до законодательных тонкостей. И тоже в 1920 году одним из последних появился Отдел охраны государственных деятелей во главе с главным в ЧК телохранителем Ленина Абрамом Беленьким.

К 1920 году в структуре ВЧК появился Транспортный отдел (поначалу он именовался Железнодорожным отделом ввиду важности безопасности именно на железных дорогах Советской республики). Первым начальником транспортных чекистов был Жуков, затем его периодически и очень быстро сменяли Фомин, Чугурин, Слюсарев, Ковылкин, Зимин, Ганецкий. Последний из них, Ганецкий, был очень заметным и сейчас почти забытым функционером ленинской РКП(б) (настоящая его фамилия Фюрстенберг), он имел запутанную биографию и в ленинской части РСДРП был своего рода казначеем, именно через Ганецкого-Фюрстенберга шли тайные переговоры ленинцев с Парвусом и германской разведкой до 1917 года. После Ганецкого в 1920 году во главе транспортного отдела ВЧК, а позднее ГПУ, на два десятка лет утвердился Благодоров, которому очень доверял Дзержинский, до того Благодоров возглавлял транспортный отдел в Петроградской ЧК.

Также не сразу были созданы особые войсковые части ВЧК и ее первый спецназ. Сначала это был особый боевой отряд ЧК под началом Попова, большую часть которого составляли в начале 1918 года не слишком партийные матросы и чекисты-эсеры, включая самого Попова. После подавления эсеровского мятежа летом 1918 года и расформирования этого почти не управляемого Дзержинским отряда на его месте создан ОСНАЗ – первый в советской истории отряд спецназа при госбезопасности. Затем в условиях Гражданской войны этот отряд обрстал войсковыми частями с тяжелым вооружением, пулеметами, артиллерией, при нем даже появился отряд бронепоездов имени Якова Свердлова. Появились уже не отряды, а крупные войсковые части при ВЧК (ВНУС, ВОХР, ЧОН и т. д.). В годы Гражданской войны эти отряды часто собирательно назывались «войска ВЧК». Только в период 1919–1920 годов их официально называли частями внутренней охраны (ВОХР), это совсем не те полугражданские стрелки «военизированной охраны», которые мы сейчас зовем «вохрой» и которая к госбезопасности отношения уже не имеет. Части ВНУС непосредственно в структуру ВЧК не входили, подчиняясь Наркомату внутренних дел, и были первыми внутренними войсками Советского государства. Сами подчиненные напрямую Лубянке войска ВЧК (они же ВОХР) тоже очень редко использовались напрямую в боях Гражданской войны, в основном там, где была критическая ситуация и под рукой не имелось других полностью надежных частей: в 1919 году при прорыве белых казаков Мамонтова на Орел и Тамбов, осенью того же 1919 года при прорыве армии генерала Юденича под стены красного Петрограда.

Все эти реформы в войсках ВЧК привели к созданию к 1920 году особой военной дивизии имени Дзержинского при ВЧК, чьим первым командиром стал чекист Кобелев, а затем и к мощной полуавтономной структуре воинских частей ЧК, перешедших по наследству к ГПУ, НКВД, МГБ и КГБ. В годы же Гражданской войны существовала такая сложная и часто подвергаемая переименованию система «войск ВЧК», за командование ими в коллегии ВЧК отвечал сначала Волобуев, а позднее Корнев.

ВЧК изначально строилась на совершенно новых принципах и совершенно отличалась от последних спецслужб романовской империи, Департамента полиции и охранного отделения. Дзержинский гордился тем, что, в отличие от армии Советской России и других советских учреждений, в его службе практически полностью отсутствовали военспецы из прежнего цар-

ского сыска. Согласно справке Дзержинского в органах ЧК служили за все время лишь два бывших кадровых офицера царских спецслужб. В справке эти два единственных эксперта царской госбезопасности в большевистской ЧК не названы по имени. Но можно предположить, что речь идет о бывшем шефе царских жандармов и начальнике охраны генерале Джунковском, с 1921 года некоторое время работавшем на Лубянке в качестве консультанта Дзержинского, в основном по вопросам создания паспортной системы в новой России, отчасти и по оперативным вопросам. А также о латышском большевике Яне Свикке, до 1917 года работавшем в жандармском сыске по заданию партии в качестве революционного «крота» (на службе в ЧК Свикке поменял фамилию и числился уже чекистом Родионовым).

Хотя, кажется, Джунковского официально на работу в ВЧК не оформляли, а службу Свикке у жандармов по заданию партии могли не посчитать настоящей, и тогда речь идет о двух других бывших сотрудниках царского сыска, пригодившихся на службе в советской ЧК. Известно, что там служил некоторое время бывший жандармский полковник охраны по фамилии Шатковский. А в 1918 году своим советником по организации в ЧК контрразведки Дзержинский назначил еще одного спеца из бывших, правда не из жандармов, а сотрудника царской военной контрразведки по фамилии Шевара. Но того еще весной

1918 года в порядке самосуда над царскими офицерами убили матросы-эсеры, отдел контрразведки Шевара создать так и не успел, это подразделение в ВЧК позднее будет создано уже под началом ярого большевика Лациса. Так что неизвестно, кого из специалистов старого политического сыска Дзержинский указал в качестве кадровых сотрудников ВЧК. Ведь Джунковского можно назвать только внештатным консультантом, никакой должности в ЧК в годы ее существования он не занимал. Иногда чекисты в 1918–1919 годах использовали таких консультантов из прежних жандармов или полицейских, периодически привозя их на Лубянку для консультаций даже из тюремной камеры, а затем в нее же и возвращая; говорить, что эти люди «служили в ЧК», не приходит никому в голову. Вроде бы в шифровальном отделе ВЧК, где требовались специфические знания, в 1919–1920 годах служили привлеченные специалисты по шифрам из царского Департамента полиции Зыбин и Кривош, обучая этим премудростям начинающих чекистов, хотя и этих консультантов могли официально в сотрудники ЧК не оформлять. В любом случае таких старых спецов в ЧК по отчету Дзержинского было всего двое, а если и трое-четверо – все равно это капля в море для тогдашней ВЧК.

Первая военная разведка Советской России

Чуть позднее ЧК, уже в разгар Гражданской войны в России, в 1920 году создается вторая мощная спецслужба Советского Союза, также просуществовавшая до его краха в 1991 году. Это Разведывательное управление при штабе РККА (Рабоче-крестьянской Красной армии), его затем все довоенные годы до начала Второй мировой войны в связи с советской тягой к сокращениям будут именовать Разведупром РККА.

Его организатором и первым легендарным руководителем считают похожего своей харизмой на Дзержинского в рядах военных разведчиков Якова Берзина, как и Феликс Эдмундович имевшего до революции большой опыт подпольной работы среди латышских большевиков. Хотя Берзин по хронологии и не был первым руководителем Разведупра, и к руководству военной разведкой он пришел уже после этой ленинской эпохи Советской России в 1924 году, когда уже существовал СССР.

Сразу после захвата власти в октябре 1917 года большевики попытались сохранить контроль за разлагавшейся стремительными темпами армией, сохранив ее верховное управление, в том числе и структуру военной разведки при Генштабе, которую при Временном правительстве возглавлял генерал Рябинов. Но большая часть руководителей прежней военной разведки служить большевикам не пожелала, лишь некоторые пошли в консультанты новой власти, как руководивший недолгое время при царе разведкой в Генштабе генерал Адабиш. Сам Павел Рябинов также уже в начале 1918 года бежал к белым и организовывал затем разведку при штабе Колчака в Сибири, после эмиграции умер в 1932 году в Чехословакии. В итоге бывшая структура в царском Генштабе для новой Красной армии оказалась непригодна, пришлось с нуля создавать принципиально новую службу Разведупра (тогда еще Региструпра) РККА.

Разведупр РККА с Гражданской войны и до войны 1941–1945 годов располагался на московской Знаменке в здании, названном остряками «Шоколадным домом», здесь бился пульс жизни второй специальной службы Советского Союза. Первоначально в годы Гражданской войны Разведупр, тогда он еще именовался Региструпр РККА, располагался на Пречистенке, поблизости от Главного штаба Красной армии, пока в 1919 году лично Ленин не сделал тогдашнему начальнику военных разведчиков Аралову внушение за недостаток конспирации и не приказал найти для военной разведки Советов более тайное место.

Поначалу и с названием Разведупра Красной армии тоже была чехарда. Кроме временного названия Региструпр он успел в суе первых руководящих органов Советов побывать и Оперодом (Оперативным отделом), и Военконтролем (когда в структуре этой спецслужбы была еще и военная контрразведка в РККА, отданная в конце 1918 года в Особый отдел ВЧК), а официально Разведупром стал называться только к окончанию Гражданской войны в 1921 году. Днем же рождения военной разведки СССР официально было назначено 5 ноября, в этот день в 1918 году был подписан приказ Реввоенсовета о структуре этой спецслужбы, а Семен Аралов был назначен ее первым начальником. Его первым заместителем и одновременно комиссаром этой службы назначен в ноябре 1918 года профессиональный революционер Валентин Павулан. Он затем и при преемниках Аралова сохранял в Разведупре пост первого заместителя и главного ока партии до конца Гражданской войны, позднее он переведен в действующую армию и погиб в Средней Азии в боях с басмачами. Другим заместителем Аралова стал эстонец Макс Тракман, отвечавший за военную контрразведку в РККА, пока ее не передали из Разведупра «смежникам» в ЧК. Еще одним заместителем при Аралове стал своего рода военспец и бывший капитан царского Генштаба Теодори, профессиональный военный разведчик, он занимал пост начальника штаба в Разведупре.

После руководства Разведупром Араловым и Зейботом им на смену на долгие годы и пришел Яков Берзин. Между первым руководителем Разведупра из бывших царских штабс-

капитанов с подпольным стажем в РСДРП Семеном Араловым и долголетним главой этой спецслужбы Яковом Берзиным ею успели недолго поруководить еще Гусев, Ауссем, Ленцман и Зейбот. Именно Арвид Зейбот в начале 20-х годов сумел отстоять самостоятельность Разведупра от неоднократных попыток Дзержинского подмять военную разведку под крышу ВЧК и сделать из Лубянки единственную всеобъемлющую спецслужбу в новом государстве под собственным началом. В этом Зейботу помог тогдашний глава Красной армии Троцкий, с 1918 года постоянно находившийся с Дзержинским в конфронтации. Именно благодаря твердой позиции Троцкого Ленин не разрешил ведомству Дзержинского поглотить в себе военную разведку, создав в Советской России одну всеобъемлющую и громоздкую спецслужбу, чего нет практически ни в одной стране мира.

Такую попытку Дзержинский предпринимал и в 1919 году в условиях сложного положения советской власти в Гражданской войне. Тогда Разведупр возглавлял опытный большевик с вынесенным еще в 1907 году ему царским смертным приговором Семен Аралов. Позднее личным распоряжением Ленина Аралов будет отправлен в дипломаты Наркомата иностранных дел. Даже при всей склонности большевиков к централизации, при всей напористости и авторитете Дзержинского, настаивавшего на такой объединительной идее, вогнать всю систему спецслужб мощного государства в рамки одной единой структуры не решились, хотя такие предложения периодически поступали и после эпохи Дзержинского. В итоге специфическое дело военной разведки все же оставили отдельной спецслужбе Разведупра, а затем ГРУ, входящей в Министерство обороны и от системы ЧК – КГБ полностью независимой.

Чекистам, правда, оставили их созданные еще в годы Гражданской войны особые отделы в армии, хотя они и ведали больше надзором за политической благонадежностью в войсках, чем собственно военной контрразведкой, и так тоже было вплоть до конца СССР в 1991 году. Оба этих мощных колосса в лице политической и военной спецслужб и без того были очень объемны по структуре и централизованны. В современных государствах функциями этих двух спецслужб – монстров советской власти иной раз занимаются по семь-восемь независимых друг от друга и подчиненных разным ведомствам специальных служб. В нашей же истории тандем могучих и централизованных КГБ с ГРУ прошагал рука об руку до самого конца советской эпохи.

Если ГРУ в Советском Союзе, отличаясь свойственным военным консерватизмом даже в символике, сменило название всего лишь раз за семидесятилетие советской власти, да и то лишь чуть модернизировав его, то ЧК в дальнейшем пришлось переименовываться еще пять раз. Впрочем, говорить о том, что одна спецслужба в Советском Союзе приходила на смену другой, было бы откровенной натяжкой. Практически все исследователи исходят из того, что это одна и та же служба, менявшая в эпоху 1917–1991 годов свое название, как не раз выходящая замуж дама меняет фамилии или разыскиваемый преступник паспорта.

Если при царе Николае I вдруг после декабристского выступления понадобилось в корне менять всю систему органов политической безопасности империи, полностью упраздняя отжившую свой век Особую канцелярию при МВД и отстраивая с фундамента службу Третьего отделения, если в 1880 году упраздняли полностью уже само устаревшее Третье отделение и учреждали опять в МВД охранное отделение и Департамент государственной полиции – то в истории советских спецслужб от ВЧК до КГБ ничего подобного не было. Даже в момент самого смелого эксперимента по слиянию службы госбезопасности с ведомством МВД в едином Наркомате внутренних дел в 1934 году нельзя говорить о создании новой спецслужбы.

Таким образом, ВЧК, переименованная в 1922 году в ГПУ, в 1934 году – в НКВД, в 1941 году – в НКГБ, в 1946 году – в МГБ и, наконец, в 1954 году – в КГБ, фактически являлась одной и той же спецслужбой. Вся эпоха советских спецслужб четко и заметно делится на пять основных периодов: ленинский (1917–1922), межвоенный (1923–1940), военный (1941–1945), позднесталинский (1946–1953) и период последних десятилетий жизни СССР (он же период

КГБ СССР, это 1954–1991 годы). Такое деление признается многими исследователями и не требует особых доказательств. Каждый из этих периодов обрушается мощным катаклизмом, не только сотрясавшим здание советской системы спецслужб, но и выкашивавшим со службы (или из жизни вообще) основное поколение руководителей и сотрудников спецслужбы предыдущего периода. Это окончание Гражданской войны с переходом к политике НЭПа и созданием нового государства СССР, когда первую ВЧК необходимо стало реформировать в новую спецслужбу и кадрово очищать. Затем годы сталинской чистки в органах НКВД 1937–1939 годов, окончательно добившей поколение дзержинских чекистов и многое поменявшей в стране под названием Советский Союз. Затем кровавая война, в ходе ее существовала особая система НКВД, НКГБ, ГРУ и Смерш, а по окончании войны ее вновь перестраивали под мирное время. Затем зачистка бериевского руководства МГБ СССР в 1953 году после смерти Сталина. И наконец, окончательный крах КГБ СССР уже вместе с охраняемой этой системой советской властью и распадом Советского государства. Эти рубежи так четко обозначили смену больших периодов жизни советских спецслужб и так разделили поколения ее служителей, что игнорировать эти рубцы истории просто невозможно.

Весь период самой первой военной жизни советских органов разведки и госбезопасности (ВЧК и Разведупра) прочно связан с поколением первой чекистской гвардии старых ленинцев и дзержинцев. У этого периода есть четкий ориентир – существование ВЧК под началом Феликса Дзержинского в 1917–1922 годах, первая своеобразная пятилетка советских спецслужб. Кроме того, этот период выделяют и отсекают от последующих еще и существование государственного образования Советская Россия (пусть формально СССР и создан в 1923 году, год спустя после переформирования ВЧК в ГПУ), фигура Владимира Ленина у власти в этом государстве (основатель Советской России тоже формально пережил ВЧК, умер он в 1924 году, но, в сущности, с 1922 года страной уже не правил) и Гражданская война в стране. Ну и фигура Феликса Дзержинского, объединяющая историю первой ВЧК в 1917–1922 годах в особый и достойный отдельного рассмотрения период, его имя во главе ЧК – такой же символ этих первых пяти лет жизни ленинской России, как кровавая Гражданская война, политика военного коммунизма, кожанки первых чекистов и прочие приметы той революционной эпохи, которую партия долго и упорно называла самой романтической и незапятнанной пятилеткой советской истории.

Без этой эпохи первой Советской России, Гражданской войны, «красного террора» нельзя понять большинства процессов в жизни спецслужб последующих периодов жизни СССР, включая трагическую развязку сталинского террора против бывшей чекистской верхушки из числа многих верных соратников Дзержинского, большей частью уже с 1922 года отсеченных от руководства спецслужбами и переведенных на другую партийную и государственную работу. Террор в годы Гражданской войны в России стал первой страницей истории этих служб, одновременно раскрашиваемой затем советской пропагандой в романтически-ностальгические краски и поражающей при детальном изучении своей почти бессмысленной и озверелой жестокостью. Этот «красный террор» во многом сделал советские спецслужбы такими, какими они затем являлись долгие десятилетия, как перенесенная в раннем детстве опасная болезнь может наложить отпечаток на характер и здоровье человека на протяжении всей его жизни. «Красный террор» 1918–1921 годов стал той лихорадкой для советских спецслужб, переболев которой они заметно ожесточились на всю оставшуюся жизнь, или тифом, в те же годы прокатившимся гигантской волной эпидемии по России и Европе, – как раз тиф у выживших после него здорово менял их характер. Об этой прививке жестокости, ставшей к тому же для советских спецслужб предметом постоянной героизации образа «чекиста времен Гражданской» или «славной эпохи Дзержинского», явившейся источником чекистского мифотворчества, стоит поговорить отдельно.

Глава 2

Первые залпы «красного террора»

Нам все разрешено, ибо мы первые в мире подняли меч не во имя закрепощения и угнетения кого-либо, а во имя раскрепощения от гнета и рабства всех.

М. Лацис, зампред ВЧК

Так один из ближайших соратников Дзержинского в ЧК Мартин Лацис формулировал основной тезис самосознания чекистов времен Гражданской войны и «красного террора». Этот высокопоставленный чекист в те годы стал из руководителей новой спецслужбы ее своего рода первым глашатаем, или пресс-атташе, выражаясь по-современному. Именно Лацис в те годы больше других высказывался в прессе по поводу действий ЧК, объясняя ее мотивы, а позднее и в своей книге воспоминаний «ЧК в борьбе с контрреволюцией». Именно он был вдохновителем издания при ВЧК журнала «Красный террор», а в дни своего руководства Украинской ЧК учредил в Киеве такой же чекистский рупор – журнал «Красный меч». Это уникальное в истории наших спецслужб печатное издание ВЧК, в «Красном терроре» долго печатали списки расстрелянных и людоедские по сущности статьи с обоснованием такого массового террора в стране, даже обменивались мнениями по методам казней и допросов. Позднее власть спохватилась и еще в годы существования ВЧК к концу Гражданской войны журнал «Красный террор» закрыла, позднее никогда у советских спецслужб от ГПУ до последней структуры в лице КГБ такого откровенного издания уже не было. Если бы в структуре ВЧК было тогда привычное нам сейчас пресс-бюро, несомненно, Лацису бы поручили его возглавлять.

Говоря о «красном терроре» и участии в нем органов ЧК, часто имеют в виду официально объявленную Лениным кампанию, когда начиная с сентября 1918 года в ответ на так называемый «белый террор» начали массово уничтожать политических противников и расстреливать по спискам заложников из тех лиц, кому новая советская власть не доверяла. Затем этот официально санкционированный властью «красный террор» разгулялся на фронтах и в тылах кровопролитной Гражданской войны, а фронтов и соответственно тыла в этой всероссийской бойне хватало. Официально эта кампания закончилась где-то в 1921 году с окончанием активной фазы Гражданской войны. Если же говорить о красном терроре ЧК без кавычек, то на самом деле он начался до официального ленинского указа о терроре осени 1918 года и не закончился, когда смолкли окончательно залпы Гражданской войны, приняв просто иные формы.

Красный террор до начала «красного террора»

В широком смысле этот террор, как кампания подавления и уничтожения без соблюдения судебно-следственных процедур лиц, зачисленных новой властью в контрреволюционеры, стартовал сразу с создания ВЧК в декабре 1917 года. Весь конец этого года по просторам России происходили стихийные расправы над чиновниками свергнутого романовского режима, чинами полиции, интеллигенцией, дворянами, офицерами, юнкерами.

Поэтому первой задачей ЧК было оседлать стихийный террор «революционеров снизу», перенять это дело от не уполномоченных на революционный террор бегущих массово с фронта солдат, матросов-анархистов и просто деклассированных элементов, то есть начать взамен стихийного «красного террора» разнородных масс централизованный террор государственной спецслужбы. Именно эту задачу от Ленина через главу ВЧК Дзержинского получили местные «чрезвычайки» на местах, стремительно разраставшиеся в первые месяцы 1918 года по всем российским губерниям и крупным уездам. С этого и начинался «красный террор» в большом его смысле. Все четыре всадника апокалипсиса сопровождали нашу русскую революцию после 1917 года: Война, Смерть, Голод и Мор. И рядом все годы Гражданской скакал и новоявленный всадник этого страшного эскадрона, «Красный террор», в чекистской кожаной тужурке и с маузером в руке – уже собственное изобретение большевистской революции.

Кстати, когда в советской литературе прославляли «чекистов в кожанках», предпочитали не упоминать такой пикантной детали. Эти первые пресловутые куртки из кожи чекистам в 1918 году впервые раздали в качестве спецобмундирования, найдя их на складе в Петрограде (это была военная помощь Антанты еще царской России – обмундирование для первых военных летчиков), в сугубо утилитарных целях – на коже не плодились вши, разносившие тогда страшные бациллы тифа. Это уже потом кожанки станут символом ЧК, их сделают культом, и о «вшивой» версии их появления, как и о подозрительности их происхождения из стана врагов революции, упоминать станет совсем неудобно.

В 1918 году вслед за чекистами ставшими модными и страшными символами власти кожанками спешили обзавестись многие партработники средней руки и даже главные вожди большевистской партии, лично Троцкий и Свердлов щеголяли в партийной коже. К 1920 году партия даже была вынуждена бросить клич о том, что кожанки нужно сдавать для нужд Красной армии на фронте, а не щеголять в них напоказ в тыловых учреждениях, и многие чекисты тоже расстались с привычной кожей. Хотя окончательно из чекистского обихода кожанки вытеснены только после окончания Гражданской войны, когда в новом ГПУ ввели единую форму военного типа. И чекистская кожанка отошла в историю, став символом первой ЧК ленинских времен.

Хотя это больше символ, ведь все поголовно чекисты в кожанки в обязательном порядке не обряжались. В кровавой романтике первых послереволюционных лет и Гражданской войны в ВЧК вообще не было обязательной формы, и ее сотрудники одевались очень разномасшно, буквально кто во что горазд: в обычные полевые гимнастерки, в рабочие блузы, в матросские бушлаты, в крестьянские тулупы. Есть много сохранившихся кадров немой и черно-белой хроники приездов Троцкого на его бронепоезде на фронт, очевидно, за военным наркомом Советов ездил штатный оператор с кинокамерой, и практически на всех кадрах за «демоном революции» ходят группой чекисты, составлявшие его охрану и расстрельную команду при наведении Троцким порядков в красных штабах. И заметно, что эти одни и те же чекисты на разных кадрах хроники одеты вразнобой, далеко от единой униформы. У одного из этих деятелей, постоянно ходящих за машущим руками на немых кинокадрах Троцким, из-под фуражки на плечи спадает огромная грива длинных волос в стиле Битлов – позднее в сталинском НКВД или КГБ времен Андропова с такой прической уже не походишь. Где-то среди этих чекистов

из бронепоезда наркома Троцкого должен быть и еще один очень нестандартный чекист Блюмин, но разглядеть его знакомое по фотографиям лицо на этих кадрах мне не удалось.

Уже в начале 1918 года отделы ЧК на местах, особенно в Сибири и на юге России, возглавили этот первый террор, отобрав право на внесудебные расправы с «контрой» у неорганизованных и обьятых революционной злобой толп. Стихийные убийства на улицах офицеров или студентов, да и вообще всех похожих на «бывших», понемногу прекратились, теперь внесудебным преследованием лиц, назначенных во враги революции, занялись чекисты. Хотя и в рядах самих сотрудников ЧК на местах в первый год советской власти было столько же вчерашних безыдейных погромщиков, обычных уголовников, анархистов, эсеров-террористов, садистов вообще безо всякой политической платформы. Чисткой кадров, прежде всего в партийном смысле, занялись позднее, а в первые месяцы 1918 года была одна задача – оседлать стихию террора за счет созданных на местах филиалов ВЧК, перевести бойню в русло борьбы официальной спецслужбы с контрреволюцией.

Здесь проявлялась та же ленинская тенденция 1918 года, характерная для всех сторон жизни новой власти большевиков. К этому моменту Ленин и его ближайшее окружение поняли, что стихия революции идет своим ходом, не считаясь с их планами и сценариями из «Апрельских тезисов» или «Государства и революции». Они плыли в волне этой стихии и пытались за счет своего нового государственного аппарата и своей партии просто оседлать ее, начать управлять ею, развернуть в свое русло или как-то приспособить к ней свою теорию. И так было везде – в селах со стихийными погромами поместий, в городах с перебоями в поставках продуктов, в создаваемой Красной армии с анархией бегущих с фронта солдатских толп, с разложившимся флотом, с шарахающейся из края в край внешней политикой. И перевод погромного стихийного «террора против контры» в ведение ВЧК, которую уже тогда называли «вооруженным отрядом партии», – один из фрагментов этой программы Ленина по удержанию своей партии на спине взбесившегося жеребца, который представляла в 1918 году бурлящая революцией Россия.

В самой столице Советской России, которой тогда еще являлся Петроград, и до объявленного в сентябре 1918 года регулярного «красного террора» Петроградская ЧК сумела быстро занять назначенное ей положение и возглавить революционный террор. Взамен суда Линча над людьми в офицерской форме на улицах начались ночные аресты, допросы, пытки и расстрелы в подвалах ЧК, заработала репрессивная машина первой советской спецслужбы. Назначенный в марте 1918 года начальником столичной ЧК в Петрограде Моисей Урицкий в этот год руководил репрессиями против нежелательных для советской власти лиц в столице, еще не зная, что именно его убийство в сентябре 1918 года станет для этой власти поводом к объявлению официального «красного террора».

Поначалу от части явно незаконных и кровавых акций «революционного суда» органы ЧК еще пытались открещиваться, благо тогда еще многое можно было списать на самосуд толпы и революционную неразбериху. Когда солдаты без суда убили бывшего царского премьер-министра старика Горемыкина или начальника Генштаба при царе генерала Янушкевича. Когда конвоиры в Петропавловской крепости расправились с бывшим царским премьером и другом Распутина – Борисом Штюрмером. Когда взбаламученные красной пропагандой солдаты поднимают на штыки генерала Духонина или без особых причин расстреливают на вокзале отказавшегося признать Советы атамана Терского казачества Караулова. Когда в больнице ворвавшиеся туда матросы расправились с лидером кадетов Шингаревым – от этого органы ЧК дистанцировались, и поначалу даже ленинское правительство осудило эти акты самосуда, хотя жуткий эвфемизм «Отправить в ставку Духонина» как символ скорого расстрела ЧК затем и для себя приватизирует.

В эти первые месяцы работы ВЧК в начале 1918 года заметно, что и руководители этой спецслужбы в лоб именно о «терроре» еще не говорят, что еще нет журнала «Красный тер-

пор» и откровений Лациса, в итоге озлобивших и самого Ленина своей кровожадной прямо-той. Сами руководители ВЧК в эти первые полгода, по крайней мере до лета 1918 года, о терроре напрямую тоже еще не говорят, правду о пытках и провокациях в работе ЧК еще вслух не признают. Еще в начале июня 1918 года не закрытая пока газета «Новая жизнь» печатает большое интервью председателя ВЧК Дзержинского и одного из его заместителей в коллегии ВЧК Закса (назначенного от партии левых эсеров), где они заверяют, что в ВЧК будут судить быстро и без жалости, но исключительно справедливо: «Конечно, и мы можем ошибаться, но до сих пор ошибок у нас не было – посмотрите протоколы, все обвиняемые сознаются в своих преступлениях». Собственное признание, полученное или выбитое у арестованного, уже тогда в советской юстиции становилось главным аргументом обвинения, отнюдь не в 1937 году эту «царицу доказательств» советские чекисты возвели на ее трон.

Окончательно этот флер «революционной законности» и моральные преграды были сметены осенью 1918 года уже официальным ленинским решением об учреждении «красного террора». А уж после пролитых тогда морей крови пути назад не было.

Была еще одна прививка ЧК и ее наследникам – советским спецслужбам всех времен существования СССР. С 1918 года ЧК является спецслужбой, охраняющей не только государственную власть, но и партию большевиков-коммунистов, которая вскоре становится неотделима и неотличима от самой власти. Это был первый такой эксперимент не только в истории России, но и в мире: спецслужба в государстве становится не только службой госбезопасности, но и партбезопасности. С этого времени высокопарные слова о том, что ВЧК – это «вооруженный отряд партии», «карающая рука партии», «револьвер в руке партии», перестают быть фигурами ленинской речи и становятся констатацией факта. Часть исследователей истории ЧК, например А. Велидов, вообще полагали подчиненность ЧК напрямую ленинскому правительству, Совнаркому, фикцией, считая непосредственным начальственным органом над ней ЦК РКП(б). С этого времени и до краха СССР в 1991 году, хотя в последние советские годы уже по инерции, как символическое заклинание, органы ЧК – КГБ именуют органами защиты партии столь же часто, как и органами защиты Советского государства, поскольку разницы уже никакой не существует.

Уже в 1918 году добиваются и разгоняются остатки партии кадетов, а некоторые их лидеры ликвидируются физически под прикрытием революционного самосуда. В январе 1918 года после знаменитой выходки матроса Железняка с «уставшим караулом» разгоняют Учредительное собрание с засевшими там эсерами, меньшевиками и народными социалистами, выталкивая и этих вчерашних союзников в подполье, а организованную ими демонстрацию в защиту этого несостоявшегося парламента расстреливают в Петрограде красногвардейцы. От этих событий ЧК еще пока отрешивается, напрямую ими не занимаясь. И только с лета 1918 года, после окончательного установления в России однопартийной власти большевиков, ЧК открыто бросают на разгром всех оппозиционных политических партий. Идут аресты кадетов, октябристов, эсеров, народных социалистов. Идейные различия и прошлые заслуги перед революцией теперь роли не играют. И уже смертельно больной Георгий Плеханов, один из первых русских марксистов и основатель РСДРП, из шинели которого и вышли ленинские большевики, в полубреду в своей квартире в Гатчине видит обыскивающих его жилье чекистов. Для них он теперь такая же «контра», как и деятели царского режима, с которым сам Плеханов полвека яростно боролся.

В апреле 1918 года ЧК в ходе масштабной операции громит в Петрограде и Москве штаб-квартиры анархистов, загоняя в подполье и этих «временных попутчиков» по революции. Развращенные революционной вседозволенностью и обросшие отрядами братишек-матросов анархисты оказывают яростное сопротивление, в Москве ночью 11 апреля идут настоящие бои, а главную базу московских анархистов на Поварской улице ЧК вынуждена брать настоящим штурмом с подтягиванием частей латышских стрелков. Другой настоящий бой с

уже созданной анархистами и вооруженной их «Черной гвардией» состоялся в ту же ночь в занятом анархистами под штаб Донском монастыре, всего эти уличные бои унесли жизнь 10 чекистов и более чем 40 анархистов. Позднее главный в тогдашней российской анархии организатор боевиков Лев Черный был арестован и расстрелян в ЧК, с ним расстреляли и знаменитую анархистку Фаню Барон.

Теперь пути назад нет, и с этого момента «карающий меч революции» в лице комиссии Дзержинского рубит направо и налево по любым небольшевистским организациям. Ушедшие в подполье остатки организованных анархистов, объединившиеся в группу «Анархисты подполья» и совершившие ряд терактов против большевистской власти (включая знаменитый взрыв Московского горкома РКП(б) в Леонтьевском переулке), в 1919 году громятся уже с такой же революционной ненавистью, как ранее монархисты, «временные» или откровенные белогвардейцы. Поначалу в ВЧК предположили, что теракт в Леонтьевском переулке против московской верхушки большевиков совершили монархисты из офицеров или правые эсеры. Но через пару недель чекисты арестовали присланную от украинской анархистской группы «Набат» курьером в Москву к местным соратникам анархистку Каплун, после чего и вышли на созданную Ковалевичем и Соколовской группой «Анархисты подполья» с четкой подпольной структурой и ставкой на террор. Засевших в своем штабе лидеров анархии (сейчас в этом старинном здании находится театр Ленком) чекисты выбивают в ходе настоящей войсковой операции с задействованием красных войск. После штурма явки «Анархистов подполья» в подмосковном поселке Красково тех из них, кого не убили при штурме, расстреливают в ЧК после допросов. Сам руководитель «Анархистов подполья» Ковалевич убит в ходе этой операции ЧК в Красково, его заместитель Глазгон на этой же даче взорвал себя зарядом динамита, не желая сдаваться живым. Сам исполнитель этого теракта анархист Петр Соболев, метнувший бомбу через окно в Московский горком РКП(б), выслежен на улице и убит в перестрелке, успев ранить чекиста из группы захвата. Его напарник по теракту в Леонтьевском переулке Федор Николаев (Федька Боевик), из примкнувших к «Анархистам подполья» правых эсеров, взят живым и позднее расстрелян.

Поскольку в 1918 году ЧК еще не могла наброситься совсем без повода на самых верных совсем недавно союзников по революции – анархистов и эсеров, в ход были пущены и провокационные методы. Разгром анархистов весной 1918 года, в Москве вылившийся в кровавую бойню, затем советская власть долго выдавала за подавленное анархистское восстание в столице. Умалчивая, что на вооруженное сопротивление чекистам и красногвардейцам анархистов, как чуть позже и левых эсеров, умело подтолкнули. Версия о том, что анархистские отряды всерьез пытались захватить власть в России в 1918 году, но ЧК пресекла их коварные планы, продержится все десятилетия существования советской трактовки нашей истории.

Для дискредитации разномастного анархистского движения, а никакой единой, мощной партии анархисты и после октября 1917 года в силу особенностей своего учения не создали, использовали даже знаменитое дело об ограблении Патриаршей ризницы в Кремле в январе 1918 года. Тогда налетчики под носом у большевистской охраны утащили из церковных помещений в Кремле множество православных ценностей и украшений. Советская власть с самого начала расследования этого налета совместными усилиями ЧК и милицейского угрозыска начала громогласно утверждать, что за ограблением стоят белогвардейцы-монархисты. Через пару месяцев выяснилось, что налет на ризницу совершила чисто уголовная банда налетчиков братьев Полежаевых. Причем главную роль в раскрытии этого преступления и аресте бандитов Полежаевых сыграли не чекисты, а привлеченный к поискам как своеобразный военспец от сыска сотрудник царской сыскной полиции Свитков, затем работавший в советском угрозыске знаменитого МУРа. Братьев с их подельниками арестовали, часть ценностей из Патриаршей ризницы изъяли в их тайнике под Саратовом, остальное затем находили по частям по российским провинциям, многое же совсем пропало. При этом один из братьев подозрительно

быстро повесился в своей камере, а второй почему-то на суде за такое «ограбление века» отделался всего-то двумя годами тюрьмы, которые уже отбыл в предварительном заключении, так что фактически был помилован советским судом. Именно он дал показания, что ограбление уголовникам заказывали российские анархисты, собиравшиеся употребить ценности ненавидимой ими православной церкви для вооружения своей «Черной гвардии» и свержения власти Ленина. Показаний обычных безыдейных уркаганов было достаточно для дальнейших обвинений анархистов и оправдания расправы ЧК с ними весной 1918 года, про версию о белых монархистах быстро забыли.

ЧК тогда умышленно смешивала анархистов с обычными уголовными бандами, чтобы сразу оправдать свои жесткие действия против бывших союзников ленинской партии в борьбе с царизмом. Уже в мае 1918 года в газетах опубликован декрет ВЧК «О борьбе с бандитизмом», где операции по разгрому анархистов перемешаны с отчетами о ликвидации настоящих банд. Этим декрет оправдывал первые массовые облавы ВЧК в целых районах Москвы, которые оцепляли даже с применением броневиков и при поддержке частей красных войск, как это происходило в большой облаве в мае 1918 года на Масловке. Тогда же демонстративно печатают первые сообщения о расстрелах по постановлениям ВЧК, так называемых «административных расстрелах» без судебного приговора, пока еще в индивидуальном порядке – до объявления с сентября 1918 года массового «красного террора». Так в июне 1918 года советские газеты публикуют сообщение коллегии ВЧК о расстреле за заговорщицкую деятельность бывших гвардейских офицеров – двух братьев Спиридович.

Расправа в июле 1918 года с партией левых эсеров была особенно циничной. И потому, что под «карающий меч революции» попали самые искренние и одержимые в прошлом союзники в борьбе с царским режимом, до последнего поддерживавшие большевиков и после октября 1917 года в противостоянии с корниловцами, красновцами и сторонниками «временных», в том числе и с собратьями по бывшей ПСР из фракции правых эсеров. И потому, что чекисты Дзержинского расправились с чекистами эсеровской принадлежности, еще вчера бывшими их коллегами по «чрезвычайке».

Сама история с левоэсеровским мятежом достаточно драматична и запутанна. Мятеж начался типичным эсеровским террористическим актом; желая сорвать хрупкий Брестский мир ленинской России с Германией, эсеры убили германского посла Вильгельма Мирбаха. Служивший в отделе ВЧК по борьбе с контрреволюцией эсер Яков Блюмкин и штатный фотограф ЧК Николай Андреев 6 июля 1918 года вошли в здание германского посольства именно в качестве чекистов, исполнявших свой долг. Они предъявили графу Мирбаху постановление ВЧК, на котором была подделана подпись Дзержинского, зато подлинную печать комиссии на эту бумагу по партийному заданию им поставил зампред ВЧК левый эсер Александрович. Явление сотрудников советской спецслужбы в посольство иностранного государства, сегодня воспринимаемое в мире в качестве экстремальной акции с точки зрения международного права, тогда так шокирующе не выглядело. В 1918 году чекисты уже не раз посещали с такими визитами и даже с обысками посольства иностранных держав в России в поисках укрывавшихся там якобы видных контрреволюционеров или спрятанных там российским дворянством и буржуазией ценностей. Чекисты во главе с приближенным к Дзержинскому Артузовым уже осуществили такие набеги на швейцарскую и норвежскую дипломатические миссии. Поэтому приход Блюмкина с Андреевым с официальной санкцией ВЧК не удивил, их впустили в приемную и начали беседу, в ходе которой чекисты-террористы метнули бомбу и расстреляли посла Мирбаха из револьвера, убив его на месте. После ответной стрельбы германского охранника Мюллера чекисты-террористы Блюмкин с Андреевым бежали через забор и скрылись. С этой акции и стартовал мятеж левых эсеров, отрезавших себе путь к отступлению.

Дзержинский вскоре прибыл в посольство, где остывал труп Мирбаха, увидел свою подделанную подпись на оставленном убийцами мандате и объявил об измене в собственном

ведомстве. Узнав, что Блюмкин с Андреевым укрылись в расположении особого вооруженного отряда ЧК, Феликс Эдмундович отправился туда для их ареста. Но этот отряд, первая и во многом экспериментальная войсковая часть при ЧК с пулеметами и бронетранспортерами, в большинстве своем состоявший из сторонников эсеров и возглавляемый также левым эсером Поповым, уже взбунтовался против большевиков и стал главной ударной силой эсеровского восстания в Москве. Явившийся туда с небольшой свитой Держинский был сам арестован и разоружен вчерашними подчиненными ему в ЧК левыми эсерами. С ним в заложниках у восставших оказались сопровождавшие его помощник Хрусталева и первый начальник личной охраны Ленина в ЧК Беленький. Одновременно часть левых эсеров ворвалась в штаб ВЧК на Лубянке и на время захватила здание, и здесь взяв в заложники несколько чекистов-большевиков, включая одного из заместителей Держинского – Лациса.

На этом успехи восставших закончились, вскоре стянутые в центр Москвы превосходящие их численно части красногвардейцев и преторианской гвардии Ленина из отрядов латышских стрелков утопили восставших эсеров в крови. Вскоре захваченные эсерами здания были отбиты, а взятые ими в заложники Держинский и его товарищи освобождены, к обеду 7 июля остатки повстанцев во главе с Поповым разгромлены и рассеяны в районе Курского вокзала. Политическое крыло эсеровской партии ПСР(л), окрыленное первыми успехами восстания и временным захватом Лубянки, опрометчиво явилось на съезд Советов диктовать большевикам свою волю, где все триста с лишним эсеров, включая весь состав ЦК их партии, были арестованы ленинской гвардией и объявлены заложниками на случай атаки их сторонников на Кремль. На этом, собственно, восстание и закончилось, 9 июля большевики объявили об изгнании левых эсеров из всех Советов и из Совнаркома, в стране с этого дня на десятилетия установилась однопартийная система коммунистической партии.

Как известно, зампред ВЧК Александрович, командир вооруженного особого отряда ВЧК Попов, руководивший налетом эсеров на Лубянку чекист-эсер Жаров и еще 10 активных участников мятежа из числа сотрудников ЧК сразу после разгрома восстания были расстреляны своими вчерашними товарищами. Многие левые эсеры были в июле 1918 года осуждены, и последняя партия – союзник большевиков была загнана в подполье. Сами непосредственные убийцы графа Мирбаха скрылись в этой суматохе. При этом лично убивший посла Блюмкин осенью 1918 года покался в содеянном и объявил себя большевиком, восстановившись на службе в ЧК, где пребывал затем до очередного зигзага своей лихой судьбы, когда в 1929 году бывшие соратники все же арестовали и расстреляли его, уже как троцкиста.

Это фактическая сторона выступления эсеров 6 июля 1918 года и каноническая его версия, долгие годы считавшаяся в советской исторической науке единственно верной. В последнее время вокруг нее все больше споров и вопросов, навеваемых некоторыми странностями во всей этой истории. Здесь и почти очевидная обреченность затеи левых эсеров с восстанием при явном силовом превосходстве большевиков. И некоторая несерьезность их действий, включая подозрительно быстрое освобождение живыми и невредимыми Держинского, Лациса, Смидовича и других заложников-большевиков. И наивное и почти добровольное явление ЦК левых эсеров на съезд в заложники. И непонятная мягкость к убитому германского посла и почти спровоцировавшему войну с Германией террористу Блюмкину.

В конечном итоге у части исследователей вызревает конкретный вопрос: не было ли здесь откровенной провокации ленинской власти и ее ЧК, умышленного подталкивания левых эсеров к неорганизованному выступлению для быстрого их разгрома и установления однопартийной диктатуры большевиков? Выдвигаются смелые гипотезы о том, что Блюмкин с самого начала выполнял задание агента-provokatora от ЧК в стиле Азефа прошлой царской охранки, за что и пожалован затем прощением и службой в органах советской госбезопасности. Что и эффектный выезд Держинского с несколькими сопровождающими в отряд эсера Попова и его недолгий безопасный плен у восставших – красивая инсценировка и часть театра провокации.

Полагают возможным и сознательную организацию в рамках этого плана убийства Мирбаха, задаваясь вопросом: действительно ли подпись Дзержинского на блюмкинском мандате была подделана и не был ли столь стремительно расстрелян зампред ВЧК Александрович как опасный свидетель гигантской провокационной операции?

При детальном рассмотрении всей этой истории такая версия масштабной провокации всего эсеровского восстания в июле 1918 года все же не выглядит слишком правдоподобной. В моральном плане преград к такому образу действий у большевиков и дзержинской гвардии первого состава ЧК, возможно, и не было. В тот же год чекисты на местах уже создавали кое-где по России методом полицейской провокации «контрреволюционные заговоры», используя их для организации масштабных репрессий «контры» в своем регионе. А Дзержинский, Петерс и многие другие первые руководители ЧК до революции были деятельными подпольщиками, детально знакомыми с методом провокации царской охранки и хорошо освоившими различные приемы контрпровокаций. А по сути – тех же провокаций со стороны подполья, ими до 1917 года чаще увлекались террористы-эсеры, но и их было немало в ЧК после Октября. Начав работу ВЧК с полного отрицания метода провокации (а при Ленине даже угрозыск в Наркомате внутренних дел поначалу наивно отказывался от работы с тайной агентурой), чекисты первого призыва, в отличие от чинов царской охранки, не провозглашали гордо лозунг: «Главное орудие сыска – агентура и кулак», по крайней мере вслух и напоказ. Но в реальной практике прибегнуть к провокации через тайную агентуру вполне могли, со временем обучились этому не хуже предшественников из охранки.

Смушает техническая сторона исполнения такой громоздкой операции еще молодой и строящейся почти с нуля спецслужбой, будь все же такая иезуитски коварная операция осуществлена и до сих пор не раскрыта историей. Слишком гигантская получилась бы операция со слишком идеальным исполнением для почти новорожденной службы политического сыска, еще не устоявшейся толком организационно, неоднородной в кадровом составе, в условиях тревожного хаоса нестойкой большевистской власти в 1918 году.

Здесь предъявить серьезное обвинение всей ЧК во главе с Дзержинским вряд ли удастся. Может быть, можно еще порассуждать о том, что эсеры готовили восстание, а их к нему незаметно толкнули в не самый подходящий для исполнения их плана момент, хотя бы именно за счет такого «засланного казачка», как Яков Блюмкин. Здесь возможные ответы уже давно похоронены вместе с участниками тех событий. В конце концов, сами эсеры своими действиями 6 июля создали здесь ЧК алиби. Все их действия, так похожие по краткости выступления и его начальной эйфории от успехов на то, что было за век до того у декабристов, или на то, что мы в недавней нашей истории наблюдали при событиях октября 1993 года в России, на опереточный путч не похожи. Захват Лубянки был, убийства депутатов-большевиков на улицах были, агитация латышских частей против позорного Брестского мира была, заложники в отряде Попова были, телеграммы по России с захваченного Московского телеграфа о свержении власти большевиков ушли. Мятеж вроде бы умышленно наметили на праздник Ивана Купалы, когда для любого латыша наступает святой день Лиги и когда большая часть латышских стрелков пьянствовала в казармах или за городом. И само убийство Мирбаха – типично эсеровская акция в духе всех исторических традиций этой партии, включая знаменитые бомбы «македонки» с торчащими из них запалами.

После этих летних событий партия эсеров попадает под жесткий пресс ЧК наравне с анархистами, кадетами и откровенными белыми из монархистов. ЦК партии левых эсеров практически весь арестован и рассажен по тюрьмам. В конце 1918 года ЧК в Москве ликвидирует и уже ушедший в подполье ранее центр правых эсеров, связанный с организацией офицеров Савинкова и с белыми армиями, арестовывают создавших этот нелегальный центр членов ЦК ПСР Ратнера и Алексеева. Позднее в Москве громят еще один созданный Савинковым боевой центр правых эсеров, а уже в 1921 году ликвидируют нелегальный центр арестованных членов

эсеровского ЦК прямо в Бутырской тюрьме, откуда те сумели наладить связи с товарищами на воле и даже с эсеровскими «Советами вольного крестьянства» бунтующих в Тамбовской губернии крестьян Антонова.

В газетах печатаются все новые резолюции ВЧК с угрожающими формулировками о том, что «до сих пор комиссия была великодушна в борьбе с врагами народа, но, когда гидра контрреволюции нагнет с каждым днем, когда всемирная буржуазия стремится задушить авангард революционного интернационала, ВЧК, основываясь на постановлении Совнаркома, не видит других мер борьбы с контрреволюционерами, шпионами, спекулянтами, хулиганами, саботажниками и прочими паразитами, кроме беспощадного уничтожения на месте преступления, а потому объявляет, что все неприятельские агенты и шпионы, контрреволюционные агитаторы будут беспощадно расстреливаться отрядами комиссии».

Здесь «красный террор» пошел универсальной дорогой всех подобных революций, начиная с обострения якобинского террора в годы Французской революции после подавления первых же серьезных выступлений роялистов (тогдашних монархистов), жирондистов (схожих с нашими кадетами или меньшевиками), «бешеных» (аналогом наших эсеров). В истории тайного сыска в Российском государстве прецедентов такому «красному террору» ЧК не было до 1918 года, даже террор опричнины при Иване Грозном при некотором внешнем сходстве по многим показателям имеет другой характер. А вот в мировой истории именно «чрезвычайка» Конвента якобинцев Французской революции во главе с «якобинским Дзержинским» – Шарлем Ронселем является прямым предком нашей ЧК. Француз Ронсель в мировой истории является прародителем всех чекистов, хотя его имя на торжественных собраниях 20 декабря почему-то никогда не упоминают. Даже термин «революционный террор» заимствован чекистами нашей революции у этой службы безопасности Конвента, как и многие его характерные приемы: расстрелы заложников по спискам без определения вины конкретного лица, утопленные на баржах с пробитым дном обреченные люди, показательные расправы со священниками и так далее. В ответ на многочисленные тогда аналогии работы его ЧК с якобинским террором в его разгар Ленину оставалось лишь явно растерянно парировать: «Верно, мы арестовываем, но ведь гильотинами головы не рубим и, надеюсь, не будем!» Даже в этом «надеюсь» сквозит некая растерянность и неуверенность в том, что до гильотины у них не дойдет. Их затем и не было, но были события страшнее любых гильотин, перед ними выходки опьяненных революцией парижских санкюлотов вскоре поблекнут.

С левыми эсерами разрыв после июльского их выступления был бесповоротным, с этого момента они в явной оппозиции к Ленину и его партии по множеству вопросов, включая и вопрос о действиях большевистской ЧК. В знаменитом письме лидера левых эсеров Марии Спиридоновой большевистскому ЦК от ноября 1918 года кроме многих обвинений в политических расправах с другими революционными партиями, предательстве идеи мировой революции и мире с немцами, террора против крестьянства отдельным абзацем выделена и работа ЧК: «Большевистская ЧК – настоящий осколок старых городских с околоточными. В губернских и уездных «чрезвычайках» наблюдаются акты жестокого надругательства над душой и телом человека, истязания, обманы, всепроникающая взятка, голый грабеж и убийства – без счета. Аресты производятся по одному доносу и оговору, ничем не подтвержденным. Творятся неслыханные насилия над рабочими, крестьянами, матросами, запуганными обывателями. А настоящие враги рабочего класса попадают в «чрезвычайку» крайне редко. Левые социалисты-революционеры трижды голосовали против расстрелов. Свирепствуют поголовные убийства связанных, безоружных людей, втихомолку, в затылок из наганов. Не стыдятся грабить трупы (часто донага). Идеологи «чрезвычайки» – люди сомнительной нравственности и умственно убогие. ЧК – тайная полиция Ленина – стала употреблять провокации. Это неслыханный позор для Советской России».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.